

К 28.2(09)
Т 93

К 2

Ты

СЛУЖБУ

НЕСЕШЬ

В ЗАБАЙКАЛЬЕ

22117

Ku. signal

✓

ТЫ
СЛУЖБУ
НЕСЕШЬ
В ЗАБАЙКАЛЬЕ

Иркутск
Восточно-
Сибирское
книжное
издательство
1974

68.3(2054)

К 9/С 1887
Т93

Ты службу несешь в Забайкалье.
Т93 Сборник. Иркутск, Восточно-Сибирское книжное изда-
тельство, 1974.

стр. 16)

Эта книга—своеобразный памятный подарок солдату и офицеру, служащим в Забайкальском военном округе. Она знакомит читателя с историей Забайкалья, с героями-забайкальцами, отличившимися на фронтах гражданской и Отечественной войн, с природой и людьми края.

Т 1124 — 03 9—74
М141(03)—74 9(С188)

Сурми

© Восточно-Сибирское книжное издательство, 1974 г.

22117

БИБЛИОТЕКА
Читинского областного Дома
политического просвещения

УКАЗ

**ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО
СОВЕТА СССР**

**о награждении Читинской области
орденом Ленина**

За успехи, достигнутые по освоению целинных и залежных земель, увеличение производства и заготовок зерна, шерсти, молока и других сельскохозяйственных продуктов, наградить Читинскую область орденом Ленина.

Председатель Президиума
Верховного Совета СССР
К. ВОРОШИЛОВ.
Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР
М. ГЕОРГАДЗЕ.

Москва, Кремль,
14 декабря 1957 г.

УКАЗ

**ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО
СОВЕТА СССР**

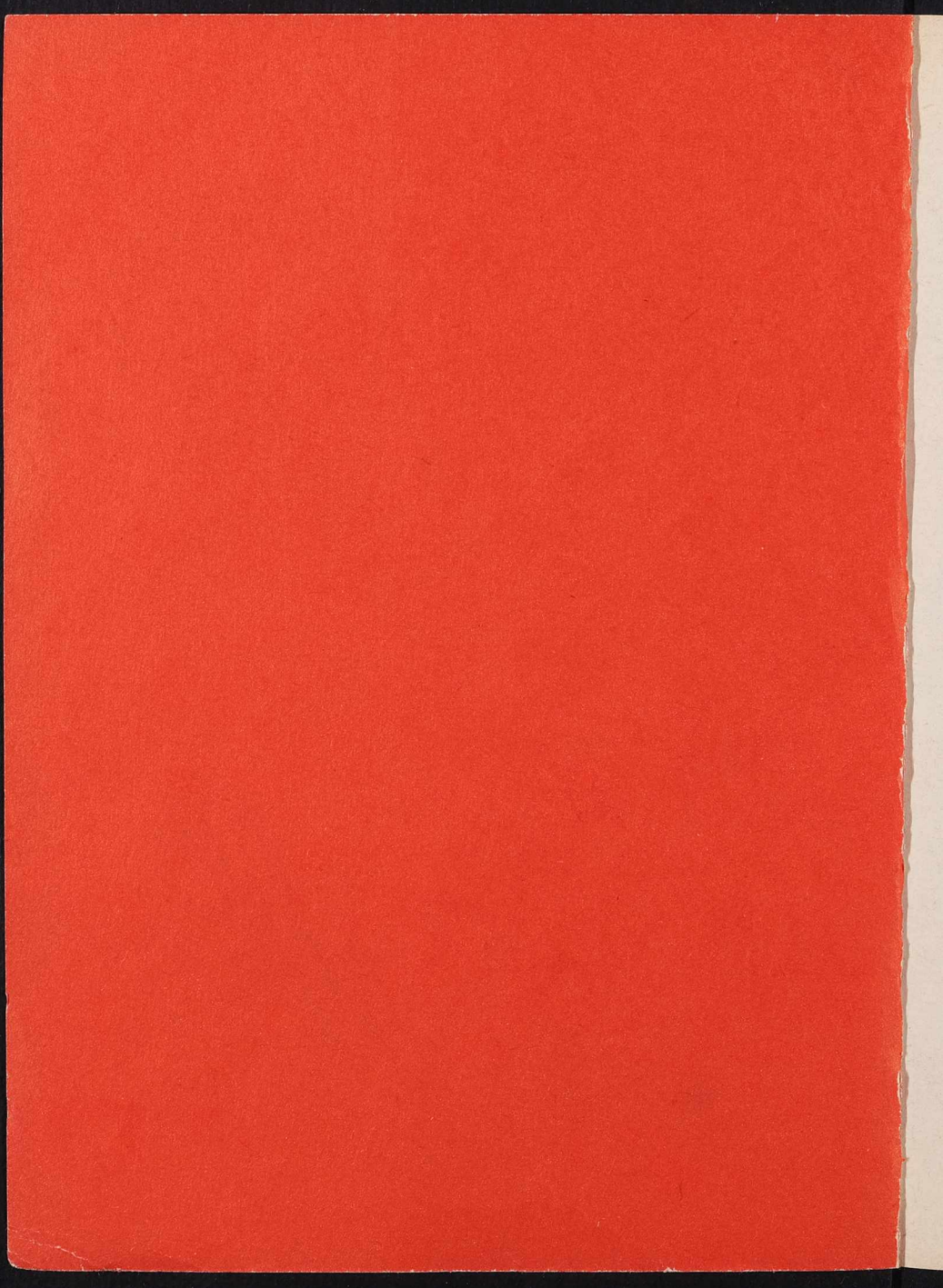
**О награждении города Читы
орденом Октябрьской Революции**

За большие успехи, достигнутые трудящимися Читы в хозяйственном и культурном строительстве, и, отмечая революционные заслуги читинских рабочих, наградить город Читу орденом Октябрьской Революции.

Председатель Президиума
Верховного Совета СССР
Н. ПОДГОРНЫЙ.
Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР
М. ГЕОРГАДЗЕ.

Москва, Кремль,
23 октября 1972 г.

Раздольна, необъятна и приветлива земля за священным морем!

В верховьях Чикоя вздыбились к небу могучие кедрачи. Осенью в их кронах хлопочут белки, снуют с дерева на дерево — запасают в зиму богатый урожай, душистые маслянистые орешки.

На севере, пробиваясь через многочисленные горные хребты, пенится на перекатах своенравный Витим.

На юго-востоке плавно несет свои воды Аргунь. Поэты сравнивают ее с клинком шашки, брошенной в Даурской степи. А сами эти степи, которые копытили в давние времена бесчисленные всадники Чингис хана? Как неоглядны они и красивы летом!

Интересно путешествовать по Забайкалью, наслаждаясь великолепной природой. Но еще увлекательнее познавать его историю.

Неистовый протопоп Аввакум, герои Сенатской площади — декабристы, народовольцы, большевики-ленинцы — различные поколения бунтарей и революционеров, сосланные царизмом в каторгу и ссылку, сеяли тут семена будущих великих преобразований.

Об этом крае и рассказывает книжка. Это не очерк истории края. Наша задача гораздо скромнее. Мы впервые собрали

вместе отдельные интересные странички о природе, истории, замечательных людях родного Забайкалья.

На коротком привале во время учений, в Ленинской комнате казармы отойдите ее на любой страничке, — прочитаете о воинах-забайкальцах иных поколений. Они показали свою высокую воинскую выучку, преданность Родине, партии. Из Забайкальских степей уходили полки, прославившие свои знамена на Халхин-Голе. Войска Забайкальского военного округа готовили пополнения для Действующей Армии, боровшейся с немецко-фашистскими захватчиками, сыграли большую роль в разгроме милитаристской Японии.

Демобилизовавшись, положи этот томик в вещмешок. Перечитывая его в Молдавии или Латвии, на берегу Волги или в Казахстане, в Тбилиси или у Тихого океана, ты вспомнишь свою солдатскую юность, марш-броски в зной и стужу, песни под баян в кругу друзей. Вспомнишь, как нес службу в далеком Забайкалье, стоял на страже восточных рубежей нашей великой Родины.

Не назовем мы
населенных пунктов,
когда отслужим
и придем домой.
Но вдруг однажды
нам приснится это:
глухая марь
и гор крутые лбы.
И, словно изготовившись, ракета
перед прыжком
привстала на дыбы, —

пишет поэт Юний Гольдман.

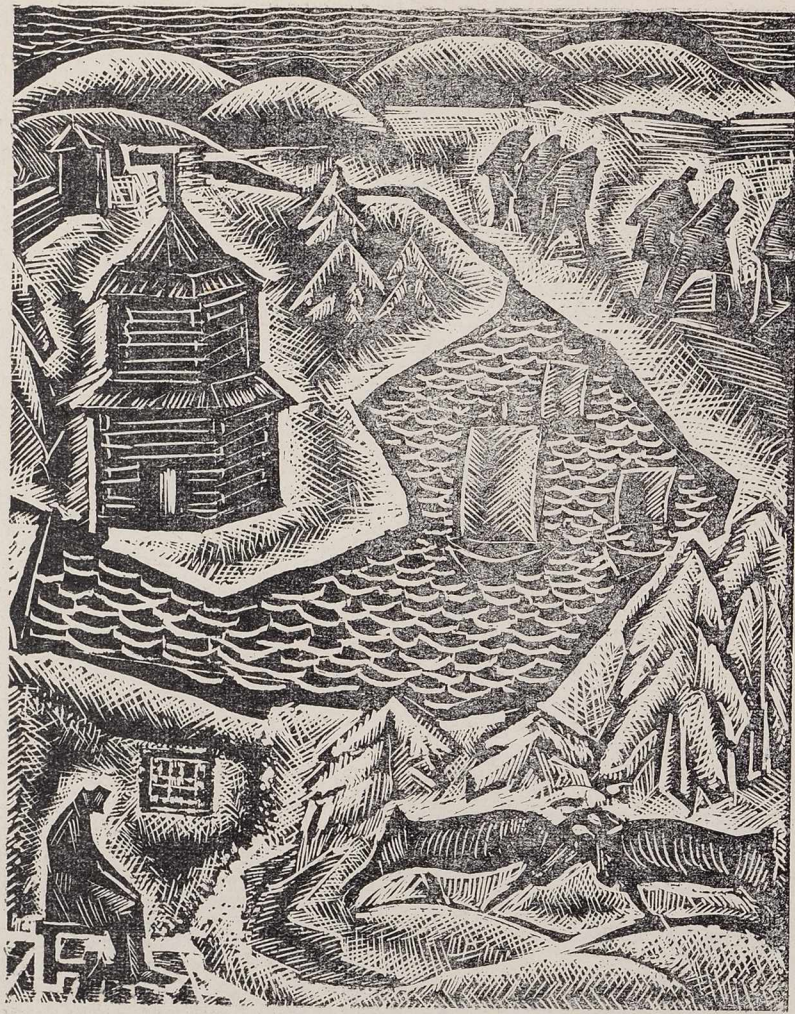
Забайкалье благодарит тебя за твой доблестный, нелегкий труд, солдат!

Ну, а если край наш и его люди пришлись тебе по душе, — рады принять тебя в свою семью. Молодые, сильные руки ждет седой Удокан, где скрыты крупнейшие в мире залежи меди.

Расправляет богатырские плечи Жирекен — будущий молибденовый комбинат. Везде нужны твои молодость, мастерство, задор, оптимизм.

Будем вместе писать новые страницы будущего края за Байкалом!

Составители

Э

л
С
Е
го
зе
л
П
Н
о
р
к
н

не
че
ос
ле
го
р
ре
се
сто

ски
ко
чи

МИНУВШИЕ ДНИ

ЗЕМЛЕПРОХОДЦЫ ОТКРЫВАЮТ ЗАБАЙКАЛЬЕ

350 лет прошло с того времени, когда славные русские землепроходцы из Западной Сибири познакомились с Восточной Сибирью. В 1618-м русские казаки и промышленники на реке Енисее основали Енисейский острог. Оттуда в Мангазею в 1619 году вышел первый русский землепроходец Пенда. Из Мангазеи с изделиями русского ремесла он отправился «на промыслы», то есть для скупки пушнины, в Туруханск. В 1620 году Пенда построил несколько стругов и пошел вверх по течению Нижней Тунгуски. Путешествие длилось три года. За это время отряд прошел новыми речными путями около 8 тысяч километров, в том числе вниз и вверх по Лене около четырех тысяч километров. Пенда был первым русским, проследившим течение Ангары.

* * *

А в 1632 году енисейский сотник Петр Иванович Бекетов с небольшим отрядом казаков и промышленных людей (всего 30 человек) перешел с Ангары на Лену и основал там Якутский острог, ныне город Якутск (на нынешнее место город Якутск перенесен по прошествии 10 лет со времени основания). В 1635 году тем же сотником Бекетовым заложен Олекминский острог на устье реки Олекмы и намечены обходные пути через реку Витим и Олекму в Забайкалье, где, по слухам, имелась серебряная руда. За этот героический подвиг Бекетов был удостоен звания «сына боярского», с прибавкой жалованья.

* * *

В феврале 1640 года «на великой реке Лене в новом Ленском острожке» Бекетов сдал по списку свой отряд новому командиру Парфену Ходыреву. Их было всего 30 человек, в том числе «Сенька Дежнев» — будущий знаменитый землепрохо-

дец и мореход Семен Иванович Дежнев, первооткрыватель мыса Дежнева и Дальнего Востока.

Сначала Якутский острог зависел от Енисейского воеводы, но с 1638 года стал самостоятельным. С этого времени енисейские и якутские воеводы посылали одну за другой экспедиции в Забайкалье на поиски серебра и новых земель.

Первое исторически известное появление русских на земле забайкальской относится к 1638 году. Оно было совершено енисейским отрядом подъячего Максима Перфильева в составе 36 казаков и промышленных людей. Прожив два года в Забайкалье и собрав нужные сведения о серебре, Перфильев возвратился в Енисейск с рассказами о Шилке — реке, под которой тогда понималась не только нынешняя Шилка, но и весь Амур, о том, что живет там князец Лавкай, а у того князца «под улусом близко серебряная руда в горе и из той руды он с товарищами плавят серебро».

* * *

В 1640 году из Якутска на реку Витим была отправлена вторая русская экспедиция в составе 70 человек под начальством письменного головы Еналея Бахтиярова, которому якутский воевода Головин с товарищами приказали идти как можно дальше до истоков Витима. Но Бахтияров вернулся, не дойдя до верховьев Витима.

Третья экспедиция русских в Забайкалье была предпринята в июле 1643 года из Енисейска. Возглавлял ее Курбат Иванов, он же Иван Курбатов. Его отряд в составе 74 человек дошел до озера Байкала и переправился на стругах на остров Ольхон. Помощник его Семен Скороход с шестью казаками и тридцатью промышленниками (охотниками) плывет к северным берегам Байкала до впадения реки Верхней Ангары, чтобы там поставить зимовье. Оттуда Скороход проникает в Западное Забайкалье, доходит до реки Баргузин и строит там зимовье.

Одновременно, в июле 1643 года в Забайкалье была отправлена из Якутска четвертая русская экспедиция под начальством «письменного головы», Василия Даниловича Пояркова. Его отряд насчитывал 132 человека. Поярков на стругах поплыл вниз по Лене, затем поднимался вверх по Алдану, Учтуру и Гону до устья реки Нуемки. С большими трудностями его отряд перешел через Становой хребет, спустился на Зею. Тут

он увидел первую даурскую деревню, население которой занималось хлебопашеством. По реке Зее Поярков пришел на Амур, спускаясь вниз по Амуру, он описывал его богатства. По пути строил зимовья и оставлял в них русских людей для освоения Дальнего Востока.

Вслед за четвертой была пятая экспедиция в 1644 году в сто человек во главе с атаманом Василием Колесниковым. Эти люди первыми из русских переплыли Байкал.

Глава шестой экспедиции боярский сын Иван Похабов совершил путешествие в Ургу и уговорил монгольского Цецен-хана завязать дружественные отношения с Россией.

Седьмая русская экспедиция в Забайкалье была отправлена из Енисейска летом 1648 года. Возглавлял ее Иван Галкин. Он и основал в устье Баргузина Баргузинский острог, ставший вскоре опорным центром русских в Западном Забайкалье.

Восьмым по счету землепроходцем, отправившимся на восток, был Ерофей Павлович Хабаров. Он снаряжался в путь не на средства казны, а за счет своего собственного капитала. Он выступил из Якутска 6 марта 1649 года вверх по Лене, повернул в Олекму, а затем в Тунгир, где и построил Тунгирский острожек. Второй русский острог в Восточном Забайкалье, поставленный в 1651 году Хабаровым, был Усть-Стрелочный. Поход Хабарова завершился официальным присоединением Приамурья к России и положил начало переселению на Амур русских крестьян, стремившихся уйти от феодального гнета в новые земли.

В июне 1652 года отправился в поход во главе девятой экспедиции Петр Иванович Бекетов. Он соорудил Усть-Прорвинский острог, а затем пошел речным путем вверх по Селенге и Хилку до озера Иргень. Здесь в сентябре 1653 года был построен Иргенский острог. Дальнейший путь Бекетова лежал к устью реки Нерчи, чтобы поставить там Нерчинский острог. К устью Читы и Ингоды Бекетов пришел в начале октября 1653 года. Для постройки речных судов казаки его соорудили плотбище и зимовье, которые дали начало городу Чите.

Русское правительство решило учредить в Забайкалье и Приамурье свою администрацию и центром ее сделать Нерчинский острог. С этой целью в 1656 году, когда Бекетов вернулся в Енисейск, тамошнему воеводе Афанасию Пашкову велено было идти в «Дауры» и быть Нерчинским воеводой.

Первый нерчинский ссыльный протопоп Аввакум Петров был не только крупным идеологом религиозно-общественного движения второй половины XVII века, но и писателем. Самое значительное его произведение — это «Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения», первая редакция которого была написана им в 1672—1673 годах. «Житие» было выстрадано автором, в полном смысле этого слова.

«Житие», по мнению М. Горького, является «непревзойденным образом пламенной и страстной речи бойца», одним из шедевров русской и мировой литературы.

Многие его страницы посвящены Забайкалью, Нерчинску и Иргенскому острогу, где с семьей содержался в заточении Аввакум. В ссылку в Сибирь он был сослан в сентябре 1653 года, а в 1655 году после некоторого содержания на Лене его повезли в Забайкалье. Здесь и родилась его слава как героя и мученика, здесь у него родился замысел «Жития».

В августе 1655 года протопоп Аввакум с семьей в обозе отряда стрельцов воеводы Пашкова выехал в далекую Даурию. Путь его пролегал по Хилку, Иргеню, Нерче. Сначала Аввакум содержался в остроге, построенном на Нерче, а в мае 1662 года воевода Пашков выехал на Иргень-озеро, где был острог, захватив с собой Аввакума с семьей, получившего разрешение царя вернуться в Москву.

О пребывании в Иргенском остроге Аввакум писал: «...приволоклись пока на Иргень-озеро...» Здесь он с семьей жил в остроге, в совершенно непригодном помещении, в котором негде было укрыться от непогоды. «А я лежу под берестом наг на печи, а протопопица в печи, а дети кое-где: в дождь прилучилось, одежды не стало, а зимовье каплет, — всяко мотаемся».

О Даурии он не раз вспоминал: «Егда в Даурах я был на рыбной промысл к детям по льду зимою по озеру бежал на базлуках; там снегу не живет, морозы велики живут, и льды толсты намерзают, — блиско человека толщины...»

Около двух лет продолжался обратный путь Аввакума в Москву. Царь и бояре ждали раскаяний мятежного протопопа, но страшная сибирская ссылка не сломила его. В 1664 году его ссылают вновь, теперь уже на Север, в Пустоозерск. Здесь 14 апреля 1682 года Аввакум вместе со своими «союзниками» были сожжены.

СИБИРЯКИ В ПАРИЖЕ

Готовя нападение на Советский Союз, гитлеровцы не в малой степени рассчитывали на то, что с первых же дней войны в нашем государстве начнется, мол, межнациональная уособица. Однако мир был потрясен, видя патриотизм советских народов, интернациональную дружбу, которая, напротив, еще более сценировалась в дни войны.

Патриотические чувства людей в многонациональном русском государстве складывались веками и имеют глубокие корни. Если заглянуть в историческое прошлое нашей Родины, то можно найти тому яркие примеры.

Отечественная война 1812 года показала, сколь сильна любовь российских народов, и сибиряков в частности, к своему Отечеству. Между прочим, сибиряки никогда не питали глубоких верноподданнических чувств к государю-императору, но когда беда надвинулась на матушку-Россию, они приняли все это близко к сердцу и активно участвовали в защите Родины от чужеземцев.

Известие о вступлении войска Наполеона в пределы государства Российского дошло до Иркутской губернии, простиравшейся тогда в пределах почти всей Восточной Сибири, в августе 1812 года. Городским и сельским обществам, бурятским, якутским и эвенкийским родоначальникам был разослан манифест о начале военных действий.

Сразу же жители Прибайкалья и Забайкалья, немало обеспокоенные нашествием захватчиков, начали вносить значительные пожертвования на народное ополчение. Любопытно, что основную долю средств собрали вовсе не представители состоятельных сословий, а лица трудящиеся, показавшие себя подлинными гражданами страны.

Интересный документ сохранился в Иркутском государственном архиве. Вот что пишет иркутский городской голова мещанскому старосте 26 сентября 1812 года:

«Служащие чиновники, некоторые общества, особливо братские (бурятские — ред.), частные лица и прочие состояния, в здешней губернии обитающие, внесли в разные казначейства на предмет нового в государстве ополчения по настоящее время более 50 тысяч рублей; в числе сих усердствующих людей особливо отличились состоящие при Тельминской суконной фабрике не только чиновники, но даже рабочие люди, имеющие все богатство свое в службе и тягостных трудах и принес-

шие на пользу отечества до 6000 рублей, но между тем, как все сии состояния, даже в отдаленных отсюда местах, спешат ознаменовать в настоящих обстоятельствах сыновнюю любовь свою и усердие к отечеству, здешнее купеческое сословие, на которое... более всех полагал местную надежду, остается без всякого в таковом важном государственном деле движения и не приемлет с прочими участия в горячайшем стремлении на глас призывающего отечества».

За четыре месяца, до начала 1813 года, жители губернии внесли на формирование ополчения более 170 тысяч рублей, по тем временам деньги весьма и весьма немалые.

На такие пожертвования очень живо откликнулось население бурятских улусов: кроме денег скотоводы доставляли много мяса, кож, пригоняли рогатый скот и лошадей.

Сибиряки, обычно уклонявшиеся от рекрутских наборов в царскую армию, охотно вступали в ряды народного ополчения. Под Смоленском особой храбростью отличились Селенгинский пехотный и Тобольский гренадерский полки. Иркутский гусарский и Сибирский уланский полки одними из первых вступили в Париж.

СОЛДАТЫ-ДЕКАБРИСТЫ

Если жизнь и деятельность декабристов-дворян широко изучена и освещена в многочисленных научных и литературных трудах, то вопрос участия в восстаниях и судеб декабристов-солдат почти забыт. Это не случайно. Слишком скуден документальный и эпистолярный материал, имеющийся в руках исследователей.

В событиях 1825 года за спинами декабристов, «лучших из дворян», как назвал их В. И. Ленин, стояла многотысячная масса солдат, и именно их ружья заставили содрогнуться императора и империю.

После жестокой расправы над восставшими по воле самодержавного дракона группа наиболее выдающихся мятежных солдат — участников восстания 14 декабря 1825 года на Сенатской площади в Петербурге — была осуждена на бессрочную каторгу в Сибирь.

В марте—мае 1829 года в Петровский железодельный завод в работу были приведены Пантелей Долговязов, Трофим Федотов, Данил Соловьев и Федор Трофимов со строгим пред-

писанием: «...по важности преступления содержать особо от прочих, за строгим присмотром и бдительным наблюдением...»

В 1830 году, когда декабристы из Читинского острога переведены в Петровский Завод, правительство, во избежание встречи этих солдат со своими командирами, поспешило их перевести из Петровского Завода в Большой Нерчинский Завод. В июне 1830 года эти четверо узников были увезены «...на обывательских подводах», а конвоем приказано: «...строго следить, не допуская сношений и разговоров» с кем-либо. В подорожной были описаны приметы каждого.

Пантелей Долговязов «лицом рябоват, глаза карие, волосы русые, рост 2 аршина 8,5 вершков, сослан за то, что отнял батальонное знамя у офицеров, не примкнувших к восстанию, «и вовлек его в толпу мятежников, наказан 8 тысячью шпицрутенов. Каторжные работы отбывать в Нерчинском Заводе».

Выйдя на поселение, П. Долговязов здесь же занимался крестьянством, имел семью.

Трофим Федотов осужден за то, что был «на площади во все время беспорядков с батальонным знаменем в руках», наказан 8 тысячами шпицрутенов. Каторгу и поселение отбывал в Нерчинском Заводе.

Более 30 лет прожил в Нерчинском Заводе и под г. Нерчинском рядовой лейб-гвардии гренадерского полка Данил Соловьев, осужденный за то, что «насильственно ушел из казармы на площадь и дал способ другим уйти», наказан 9 тыс. шпицрутенов, «лицом чист, глаза голубые, волосы темнорусые». На поселении он тоже занимался крестьянством, имел 2 сыновей и 2 дочери. Умер глубоким стариком.

Федор Трофимов, барабанщик лейб-гвардии гренадерского полка, приговоренный к 6 тыс. шпицрутенов, долгое время работал в рудниках Зерентуйской дистанции. На поселении здесь же имел свой дом. В глубокой старости жил в Нерчинском Заводе на инвалидном содержании, получая от казны 25 копеек серебром в месяц.

Семен Рытов, рядовой лейб-гвардии гренадерского полка, активный участник восстания 14 декабря 1825 г., приговорен к 6 тыс. шпицрутенов и к бессрочной каторге, в марте 1829 года был привезен в Петровский Завод, откуда через несколько дней бежал, был пойман и наказан лозами. В 1830 году он был привезен в Нерчинский Завод в работы, долгое время был прикован к тележке. Здесь же умер больным стариком на инвалидном содержании.

Долгую, трудную жизнь прожил в рудниках Култумы и в г. Нерчинске унтер-офицер лейб-гвардии Московского полка, участник восстания на Сенатской площади Александр Луцкий, и только ему одному из нижних чинов посчастливилось стать известным, войдя в летописи истории края. Судьбы же остальных до сего времени находились в тайниках прошлого.

КТО НАПИСАЛ ПЕСНЮ О БАЙКАЛЕ!

Славное море —
священный Байкал.
Славный корабль —
омулевая бочка...

Кто не знает эту старинную сибирскую песню, в которой чудесно соединены воедино рассказ о человеке, отважно бежавшем с царской каторги в горах Акагуя, и гимн могучему озеру, легендарному Байкалу, открывающему перед смельчаком путь к заветной свободе!

Перенесемся на 105 лет назад. В один из январских дней 1858 года в петербургской газете «Золотое руно» читатели обратили внимание на стихотворение «Дума беглеца на Байкале», которое начиналось и заканчивалось одной и той же строфой:

Славное море —
привольный Байкал.

Необычные на страницах столичной газеты стихи принадлежали перу Д. Давыдова, но не прославленного Дениса Давыдова, военного писателя и героя Отечественной войны 1812 года (он, как известно, умер в 1839 году), а его дальнего родственника скромного сибирского учителя и поэта Дмитрия Павловича Давыдова.

Отец Дмитрия Давыдова — Павел Васильевич, обедневший рязанский дворянин, человек прогрессивных для своего времени взглядов, отправился в Сибирь в начале прошлого века с научной и просветительной целью «для исследования возможностей соединения Енисея с рекой Тазом и для приучения инородцев к употреблению в пищу хлеба», как свидетельствуют современники. В далекое путешествие он захватил с собой и семью.

По пути на восток в заштатном тогда городке Ачинске у Давыдовых родился сын Дмитрий. Очевидно поэтому путешествие пришлось прервать и осесть в Ачинске. Здесь прошло дет-

ство будущего поэта, здесь в неполные 17 лет начал он службу в окружном суде. А в восемнадцать, отлично выдержав экзамен в иркутской гимназии, получил звание учителя. Особые способности проявил он к математике. Ему даже предложили поехать в Московский университет. Но тысячи верст бездорожья, скудость средств... да и пример отца звал его к тому, чтобы остаться в Сибири.

«Я посвятил себя занятию, к которому чувствовал призвание,— писал позже Давыдов,— и, смею думать, усилия мои в распространении грамотности, смягчения нравов и развития умов моих воспитанников не остались без последствий...»

В первые восемь лет он учительствовал в Забайкалье, в пограничной слободе Троицкосавской, известной больше под именем Кяхты. Через нее проходил тогда важный караванный путь на восток. В издававшемся здесь передовой интеллигенцией рукописном журнале «Кяхтинский литературный цветник» и газете «Кяхтинская стрекоза», выходявшей в шестнадцати экземплярах, юноша Давыдов публиковал свои первые поэтические опыты. С интересом наблюдал он жизнь и быт коренных обитателей Сибири — бурят, эвенков, якутов.

Когда Д. П. Давыдова перевели в Якутск, он в часы, свободные от школьных уроков наряду с поэзией отдавал много времени занятиям географией и этнографией, писал статьи о природе, климате, обычаях народностей Сибири, приступил к составлению якутско-русского словаря.

В Верхнеудинске (теперь Улан-Удэ), куда Д. П. Давыдов был переведен смотрителем училищ, он принял участие в организации и работе сибирского отдела русского географического общества и в 1856 году получил приглашение из Санкт-Петербургской газеты «Золотое руно» «участвовать ныне же сообщением сведений о Сибири и статьи, достойных общей известности». Именно тогда он послал в Петербург свои «Думы беглеца на Байкале», а позже опубликовал в этой газете и другие поэтические и очерковые произведения.

ЧЕРНЫШЕВСКИЙ В АЛЕКСАНДРОВСКОМ ЗАВОДЕ

Холодным, туманным петербургским утром 19 мая 1864 года на высокий помост посреди Мытнинской площади поднялся человек, сопровождаемый стражей. Офицер вел его к «позорному столбу». Палач сбросил с него шапку и надвинул ему на

шею черную доску с белой надписью: «Государственный преступник».

Пока аудитор читал полный лжи и беззакония приговор, осужденный близорукими глазами обводил толпу зрителей. Он видел перед собой злорадствующих врагов и горсточку друзей. Его привязали цепями к столбу, поставили на колени и переломили над головой шпагу.

Это было преддверие долголетней сибирской ссылки, в которую царское правительство отправило гениального русского мыслителя-революционера, гордость России — Николая Гавриловича Чернышевского.

Трудный и долгий путь предстоял Чернышевскому до места ссылки в глубь Сибири от Петербурга до Нерчинского Завода, через Вятку, Пермь, Екатеринбург, Тюмень и Тобольск. В середине августа, после почти трехмесячного пути, Чернышевского привезли в поселок Кадая.

Летом 1866 года к Чернышевскому в Кадаю приезжала жена с маленьким сыном. Они пробыли здесь всего пять дней: было невыносимо тяжело постоянное присутствие жандармов.

Вскоре после отъезда Ольги Сократовны в сентябре 1866 года Чернышевский был отправлен по предписанию коменданта Нерчинских Заводов из Кадаинского рудника в Александровский Завод.

Чернышевский застал на Александровском Заводе большую группу политических ссыльных и с некоторыми из них нередко беседовал. Он привез с собой книги, получал от родных книги и журналы из Петербурга. Он очень много читал и писал.

Чернышевский жил весьма скромно, тратя здесь на себя около пятнадцати рублей в месяц, проводя жизнь, как и раньше, в напряженном умственном труде. Он по-прежнему много писал, главным образом беллетристические произведения. Здесь был написан и знаменитый роман «Пролог», являющийся продолжением неуцелевшего романа «Старина», а в июне 1867 года, по «окончании срока испытваемости», Чернышевскому, как переведенному «в разряд исправляющихся» разрешили поселиться на вольной квартире.

«Проезжая через Александровский Завод,— писал Николай Гаврилович жене,— ты, может быть, заметила домик, стоящий против комендантского дома; он принадлежит одному из дьячков здешней церкви. Я живу теперь у этого старичка, в этом домике. По одну сторону сеней помещается хозяин со своим

Это была демоверсия книги - Ты службу несешь в Забайкалье

С полной версией книги, Вы можете ознакомиться в нашей библиотеке по адресу: Забайкальский край, г. Чита, ул. Ангарская, д. 34